

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОНИМАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Корякин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

Компьютерная техника – универсальное средство реализации и саморазвития человека. Однако отношение к ней складывается различное. Особенно рельефно оно раскрывается в дискуссиях о возможности создания машины, которая способна мыслить и трудиться. Причины различных ответов кроются как в абстракциях и формах логики, которые используются при постановке и решении проблем искусственного интеллекта и роботизации, так и в самих объективных основаниях общественного существования людей. Абстракции классической философии и науки, формальная логика, господствующий в обществе частичный труд вынуждают часть участников дискуссии признавать, что создание мыслящей и трудящейся машины принципиально возможно. Напротив, использование диалектико-материалистической логики и ее базовых абстракций, нарождающейся и распространяющейся в обществе всеобщий труд порождают убеждение, что сознание и труд – исключительные свойства человека, а машина же есть лишь средство их всестороннего развития.

Ключевые слова: труд, частичный и всеобщий труд, сознание, машина, компьютер, искусственный интеллект, формальная и диалектическая логика

С каждым новым шагом в развитии автоматизированного производства (его роботизации, электронизации, цифровизации в т.ч.) человечество вновь и вновь возвращается к вопросам, которые, если вдуматься, в той формулировке, в которой они ставятся, не имеют смысла, но зато красноречиво свидетельствуют о понимании человеком себя и мира, а в конечном счете, о характере существования современного человека. Важнейшими из таковых стоит признать вопросы о возможности создания машин, которые окажутся способны заменить человека в сфере как непосредственного материального производства, так и интеллектуальной и художественной деятельности. Может ли машина мыслить, может ли она трудиться, что станет с человеком, когда искусственный интеллект и роботы

отодвинут его на второй план, или, того хуже, подчинят себе, заставят жить в ритме с собой согласно своим законам?

Компьютер – наиболее радикальное изобретение человечества, максимально в данный исторический период проявляющее сущность индивида и общества. Он является универсальным средством производства человека себя во всем многообразии сторон его жизни, свойств и отношений. Компьютерная техника может быть использована как средство труда в любых его формах (общего и конкретного, абстрактного и частичного, умственного и материального, физического, всеобщего), как средство производства знаков, опосредующих развитие мышления так же во всех его формах (научного и религиозного, философского и эстетического, нравственного, правового, мифологического и т. д). Она может выступать в качестве средства общения, управления и насилия и опять же во всем многообразии их форм. Компьютер и компьютерные системы позволяют человеку совершать любые формы и виды деятельности как в их непосредственном единстве, так и в различных их комбинациях, и по отдельности. Но означает ли то, что свойства, которые компьютерная техника позволяет реализовать человеку, присущи ей самой?

Может ли машина мыслить?

Проблема создания искусственного интеллекта была поставлена в начале 50-х гг. прошлого века. Первым задался вопросом о том, можно ли создать машину, способную мыслить, А. Тьюринг, который откровенно признавался, что у него на момент написания статьи нет однозначного ответа, но возможно, со временем такую машину все же удастся произвести [1]. Следом было введено и само понятие искусственного интеллекта (Д. Маккарти), и предпринят ряд попыток дать ему определение.

В связи с весьма широко распространившейся критикой возможности создания «мыслящей» машины Д. Серл предложил различать два смысла понятия «искусственный интеллект» – «сильный» и «слабый». В «сильном» значении искусственный интеллект есть некое аналоговое человеческому или тождественное ему мышление, вырабатываемое машиной, в «слабом» – совокупность операционных систем (программ) и баз данных, функционирующих на основе машины и позволяющих человеку решать конкретные задачи. Создание «сильного» искусственного интеллекта Д. Серл считал принципиально невозможным [2].

Проблема создания мыслящей машины в современной научной литературе рассматривается с различных теоретико-методологических позиций. Сторонники возможности создания искусственного интеллекта в его «сильном» значении (например, представители т.н. «плоской» онтологии),

как правило, придерживаются близких вульгарному материализму позиций, и сводят, пусть и с некоторыми оговорками, процесс мышления к различным естественным (природным) процессам – физическим (механическим, электромагнитным), химическим, биологическим (нейронным). А поскольку машины имеют непосредственно природный субстрат, посредством них организуются и преобразуются различные природные процессы, а их «работа» с течением времени приобретает все более автономный от людей характер, то делается однозначный вывод о возможности создания машины, которая будет способна мыслить сама по себе, без прямого вмешательства человека.

В виде примера можно привести рассуждения Д. Деннета, который в качестве единственной реальности, по сути, признает лишь информацию, реализующуюся в природных (физических) процессах, по отношению к которой сознание предстает как своего рода ее эпифеномен [3]. При таком подходе Д. Деннет полагает, что если природа в ходе эволюции смогла сформировать мозг человека – естественную «машину» мысли, то человек вполне в состоянии создать искусственную (кремневую, в частности) мыслящую машину [3, с. 193]. Близкими Д. Деннету можно признать рассуждения Д. Чармелса, который полагает, что информация проявляется в двух формах – физической и ментальной, и потому создание мыслящей машины вполне возможно [4].

Надо отметить, что сторонники «сильного» искусственного интеллекта выстраивают свои позиции исключительно прибегая к различным формам редукционизма. Типичным для них становится сведение идеального к материальному (психических процессов к физиологическим, духовной информации к природной), сложного к простому (социального к биологическому, биологического к физическому), содержания к форме (семантику к синтаксису, смыслы к языку), целого к частному, общего к особенному (материальные процессы к информационным, сознание к логике, логику к формальной логике) и т.д. Необоснованные допущения и редукционизм – излюбленные способы обоснования возможности создания «сильного» искусственного интеллекта. Сторонники создания мыслящей машины посредством подобных нехитрых «трюков», по сути, превращают машину в человека, а человека в машину, стирают все границы между ними, и, честно говоря, одинаково делают содержательно неопределенными и то, и другое. Стирание качественных различий лишает определенности и смысла все явления сразу, порождая порою самое безумное псевдонаучное фэнтези вроде «квантового сознания» Р. Пенроуза или «цифрового бессмертия» В. Сметаны.

Сторонники создания мыслящей машины поражают крайней степенью невежества, нарочитого нежелания разбираться с сущностью сознания и его субъекта – человека. Сторонники создания искусственного интеллекта в его «слабом» значении, напротив, стремятся погрузиться в анализ идеальных форм человеческого существования, т.е. человеческой мысли. Теоретико-методологические основания при этом также заметно разнятся. Стоит отметить, что проблема создания искусственного разума, в данной связи, во многом является производной от психофизиологической проблемы. Решение вопроса – «мыслит ли мозг, а если мыслит, то каким образом?» – выступает в качестве теоретического основания разработки проблемы создания машины, действующей аналогичным мозгу образом? При этом речь идет именно о природных (например, физических) аналоговых мозгу структурах, которые в буквальном смысле мыслить никогда не смогут. Сторонники концепции «слабого» искусственного интеллекта безусловно признают, что сознание – это исключительное свойство человека и его мозга. В зависимости от того, признается сознание свойством человеческого мозга или человека в целом,рабатываются различные подходы к определению и возможности создания искусственного интеллекта.

В отечественной литературе хорошо известна дискуссия об отношении психики и физиологии, начало которой в 60-е гг. прошлого века положили Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков. Стоит отметить, что в нашей литературе спор о возможности создания искусственного интеллекта по большей части укладывается в рамки намеченных данными авторами вариантов решения психофизиологической проблемы. Д.И. Дубровский полагает, что сознание (как субъективное) продукт деятельности человеческого мозга, но связано, тем не менее, с трудом и общением [5]. Созданная автором к началу нынешнего века информационная концепция сознания во многом углубила это понимание. По его мнению, информация содержится в мозге, но она инвариантна по отношению к его свойствам. Субъективное во многом раскрывается в его способности разнообразно интерпретировать (особым образом превращать) сигналы мозга и отвечать на них [6; 7]. С таких позиций автор приходит к выводу, что субъективность – важнейшая характеристика сознания – может существовать лишь на основе человеческого мозга, и даже создание аналоговых человеческому мозгу природных структур (своего рода мозга-машины) не позволит родиться профессиональному интеллекту в его «сильном» значении. Однако искусственный интеллект поможет существенно расширить возможности естественного [8, с. 24–42].

Э.В. Ильенков, напротив, полагал, что сознание связано не с мозгом (хотя данную связь он не отрицал), а в первую очередь с трудовой деятельностью человека [9; 10; 11]. Труд Э.В. Ильенков трактовал близко к гегелевскому пониманию как процесс опредмечивания и распредмечивания сознания [10, с. 221–222; 11, с. 214–228]. Приняв логику автора, стоит заключить, что машина сможет начать мыслить, как только научится трудиться.

Может ли машина трудиться?

О способности машины (например, роботов) трудиться в массовом сознании бытует устойчивое мнение. Роботы оказываются чуть ли не лучшими во всем. Они точнее и быстрее обрабатывают материалы, аккуратнее водят машины, лучше человека играют в шахматы, проводят юридические консультации, они становятся «дизайнерами» и «журналистами». Роботизация, сопряженная с электронизацией, все больше создает конкуренцию человеку, и порою возникает ощущение, что вот-вот машина полностью его заменит.

Во второй половине прошлого века в отечественной литературе шла оживленная дискуссия о сущности средств производства, уже – средств труда (техники, машины в т.ч.). Первоначально было высказано предположение о социальной природе средств производства, чуть ли не равнозначной социальной сущности самого человека [12; 13]. Логика тут была простая: если средства производства являются необходимым элементом (пусть и вещественным) общественного бытия, они возникают, существуют и функционируют только в обществе, то они, стало быть, обладают социальной сущностью, как и его ведущий (личный) элемент – человек.

Впоследствии был сделан вывод, что, как составная часть общественного бытия, средства производства в целом социальны, обладают человеческой сущностью, но лишь в широком смысле слова, как существующие в обществе. Они есть преобразованные человеком природные объекты, не включенное низшее человека, его непосредственная среда, которая изменяется сообразно сложности труда [14; 15, с. 9, с. 49–51]. Как не включенное низшее, внешним образом интегрированное в общественную жизнь материальное образование, средства производства обладают собственным, отличным от человека содержанием, собственными законами существования и развития, оказывают влияние на человеческую жизнь, но, в конечном счете, сами развиваются лишь при определяющем воздействии на них человека.

Между человеком и средствами производства существуют отношения взаимозависимости. Человек не может оперировать средствами про-

изводства, не учитывая их содержания, функций, законов, которые есть ни что иное, как превращенные содержание, функции и законы самой природы. Однако и средства производства не могут возникнуть и реализовать себя как таковые, то есть как превращенные природные элементы, естественным путем, без созидающего вмешательства человека. Тот факт, что средства производства не возникают в ходе естественного развития природы, а порождаются исключительно человеком, означает, что основанием их существования является не сама природа как таковая, а человек, преобразующий природу. В этом смысле средства производства всецело зависимы от человека, и только в этом смысле являются социальными образованиями, неотъемлемой частью общественного бытия. В средствах производства человеческая сущность обретает свое внешнее, природное выражение.

Как преобразованная человеком природа, средства производства могут быть исследованы в двух аспектах: естественном, как природные объекты особого рода и социальном, как выражение человеческой сущности. В философской литературе часто эти линии исследования берутся в отрыве друг от друга или параллельно друг с другом, что приводит к не совсем верному представлению о двойственной природе средств производства. Представители неклассической философии, в конечном счете, сводят социальное в технике к сознанию, которое якобы в ней овеществляется. Характерное для неклассической философии абсолютное противопоставление духа природе приводит в данной связи к соответствующему противопоставлению естественного и социального при анализе техники. В частности, обнаруживается попытка раскрыть самодвижение сознания, которое овеществляется в технике, или самодвижение техники, которое проявляется в изменениях самих средств труда (усложнении структуры, кинематики, размеров, изменении механических узлов, технических устройств – механических, пневматических, электрических, электронных и т.д.). Поскольку представителям неклассической линии не удается вывести технику из сознания или ее самой, они неизбежно приходят к выводу о параллелизме социальных и природных факторов в развитии средств труда.

В историческом материализме попытки увязать развитие техники с изменениями ее структуры, раскрыть самодвижение техники, встречаются крайне редко. А если и встречаются, то с оговорками о том, что, в конечном счете, все изменения средств труда связаны с определенными социально-экономическими условиями (трудом и производственными отношениями) [16]. Стремление отыскать самостоятельные импульсы развития в технике не лишено смысла, поскольку средства труда есть ни что иное,

как преобразованный природный процесс, и как природный процесс они обладают независимым от человека содержанием, собственными законами существования. Но поскольку техника – это не просто природа, а преобразованная человеком природа, ее движение определяется развитием самого человека. В данном плане все структурные изменения средств труда вызревают не в них самих, а инициируются трудом и, следовательно, сообразно с ним они должны быть исследованы.

В марксистской литературе в качестве критерия (но никак не источника) развития труда и техники нередко выделяется предмет труда, или область преобразуемой действительности. Обращение к предмету труда позволяет выделить в самом труде, как и в средствах труда, опосредующих преобразование данного предмета, естественное содержание. Сложность преобразуемых природных объектов является показателем сложности труда и техники [15, с. 52–53; 17, с. 94–110]. Более того, она влияет на масштабы и характер реализации человеческой сущности, человеческого труда.

Говоря об относительной самостоятельности в развитии средств производства (предмета и средств труда), необходимо учитывать законы соотношения высшего (в данном случае человека) и не включенного низшего (природы и преобразованной природы). Они находятся во взаимодействии, но определяющее воздействие оказывает все же высшее на низшее. В данной связи необходимо в первую очередь обратить внимание на характер развития самого труда.

В «Ницше философии» и «Капитале» К. Маркс пришел к выводу, что исторические формы труда и средств производства сменяют друг друга по мере эманципации и опредмечивания основных функций самого труда [18, с. 156; 19, с. 384–385]. Эта идея получила свою развернутую реализацию в 60–70-е гг. XX в. в советской философской литературе [17, с 217–237; 20, с. 39–40]. Труду присущи различные функции – двигательная (энергетическая), передаточная, рабочая (исполнительная), управления, регулирования, контроля и т.д. На этапе развития ручного труда и соответствующих ему ручных орудий все функции осуществляются человеком. На этапе машинного труда от человека обособляются и передаются машине (объективируются в ней) рабочая, передаточная, энергетическая функции. При автоматизированном труде происходит эманципация и передача автоматическим устройствам функций управления, регулирования и контроля. Средства труда, таким образом, развиваются по мере объективации в них функций труда, а стало быть, сущности самого человека.

Однако подобная интерпретация движения техники все же имеет существенную ограниченность. Общий вывод об объективации челове-

ческой сущности в средствах труда представляется в принципе верным, однако его не стоит толковать буквально, поскольку это может привести к неправомерному редуцированию сложности техники к сложности самого человека. Техника – это преобразованная природа. Какую бы форму она не принимала исторически, она всегда будет непосредственно обладать исключительно природным субстратом. Социальным субстратом, а стало быть, и социальными функциями (в данном случае функциями труда как сущностного свойства человека) она обладать в принципе не может. В противном случае неизбежно проявится парадокс несоответствия субстрата и атрибутов. Окажется, что простой (природный) субстрат способен обладать сложными (социальными) свойствами, что логически не верно. Данная смысловая трудность привела ряд авторов к выводу, что функции труда в их наиболее творческой, сложной форме всегда остаются за человеком, технике же передаются лишь наиболее простые, рутинные из них [15, с. 52–53]. Впрочем, и данная оговорка представляется недостаточной. Трудится все же не техника, а человек при помощи техники. Функции труда, таким образом, могут быть присущи только человеку.

Буквальное толкование объективации сущности человека в технике как передачи ей функций труда, хотя и является следствием применения исторического материализма к анализу средств производства, все же в корне противоречит ему. Резонным является вопрос: если по мере исторического развития все функции труда эмансипируются, передаются технике, то что же остается в самом труде? Созданная на базе советского исторического материализма концепция НТР в большинстве своих вариантов содержит вывод о том, что труд в современную эпоху, в преддверии будущего коммунистического общества, постепенно утрачивает свой материальный характер, одухотворяется, превращается в сложную (научную) духовную деятельность. Общество будущего будет строиться на основе научной деятельности и научном знании. Нетрудно заметить, что подобный вывод идентичен выкладкам теоретиков постиндустриального общества. Такой вывод вполне естественен при буквальном толковании развития техники как процесса обособления функций труда, но он ударяет по базовому положению материалистического понимания истории, согласно которому общественное бытие (и труд как способ его существования и развития) определяет характер общественного сознания, общества в целом. Авторы же концепции НТР, по сути, объявили субстанцией будущего общества мыслящего индивида, а субстанциальным свойством – сознание.

С 60-х годов прошлого века в отечественном материализме начала формироваться биосоциальная концепция человека, согласно которой человек есть двойственное существо, в котором его социальный и биологический уровни организации находятся во взаимном развитии, опосредуют и в равной мере определяют друг друга. При таком подходе субстрат человека понимался как биологический, что возвращало отечественный материализм к натуралистическому толкованию человека и свойственному ему парадоксу несоответствия субстрата и атрибутов: простому (биологическому) субстрату приписывались сложные (социальные) свойства. В рамках такого понимания человека происходила и дискуссия Д.И. Дубровского и Э.В. Ильенкова об отношении психики и физиологии. Положение о биологическом характере человеческого субстрата оставляет теоретическую лазейку для признания возможности создания мыслящей и трудящейся машины, если она будет произведена на основе биологического субстрата.

Во избежание парадокса несоответствия субстрата и атрибутов в конце прошлого века была создана концепция социального материального интегрального субстрата человека [21; 22]. Социальные свойства могут быть присущи только социальному субстрату. При этом социальный субстрат имеет интегральную материальную природу: в нем все известные уровни материальной организации (физический, химический, биологический и социальный) представлены в соподчиненном, иерархизированном, не дифференциированном в пространстве и времени виде. Биология человека в корне отлична от биологии любого другого живого, поскольку она является социальной. Данное уточнение позволяет заключить, что, если признать способность человеческого мозга мыслить (хотя это вновь вернет нас к парадоксу несоответствия субстрата и атрибутов), то искусственная машина-мозг (если получится ее создать) мыслить никогда не будет, поскольку она никогда не будет социально-биологическим образованием. Подобный вывод будет справедлив и относительно «вживления» механических или биологических (животных) имплантов.

Непосредственный субстрат человека – социальный, именно по этой причине человек способен мыслить и трудиться. Непосредственный субстрат техники – природный, а стало быть, мыслить и трудиться она не сможет никогда. Однако стоит заметить, что техника проявляет новые свойства, которые в ее непосредственном материальном бытии никогда принципиальным образом не реализуются лишь благодаря человеку. В данной связи можно заключить, что подлинными субстанцией и суб-

стратом техники в момент ее реализации являются люди, в связи с чем стоит внести некоторое уточнение в понимание человеческого субстрата. Человек обладает социальным материальным интегральным субстратом, а сама интеграция реализуется в единстве двух ее форм – внутренней и внешней. Внутренняя интеграция уровней материальной организации представлена в самом человеке непосредственно и не имеет пространственно-временной дифференциации. Физическое, химическое, биологическое в человеке – это своего рода его включенное низшее. Внешняя интеграция уровней материи реализуется в единстве человека со средствами производства, которые обладают различным в пространстве и времени существованием и при определенных обстоятельствах могут быть отделены от человека, теряя при этом свою определенность как составные части его субстрата (т.е. как средства производства). При данном типе интеграции природные уровни организации выступают в качестве не включенного низшего человека. Обладая непосредственно природным субстратом, техника в момент ее использования оказывается составной частью субстрата человека. Техника, таким образом, – это природный преобразованный объект, обладающий непосредственно природным субстратом, но встроенным в интегральный субстрат человека. Человек реализует свои свойства и новые свойства технических средств – составных его, но внешних ему частей. Трудится и мыслит человек посредством техники и в связи с ней, но не техника – ни сама по себе, ни в связи с человеком.

Гносеологические и социальные корни вопроса «может ли техника трудиться и мыслить?»

Несмотря на то, что техника объективно не мыслит и не трудится, многие наши современники (включая часть представителей научного сообщества) искренне полагают, что есть (или во всяком случае рано или поздно удастся создать) машины, которые производят вещи и обладают знанием и способностями мышления (в действительности мыслящие и трудящиеся машины существуют лишь в идеальной форме, т.е. в голове человека и нигде более). На чем строится подобная убежденность – отдельная важная проблема.

Вопросы, которые мы задаем, порою куда больше раскрывают суть нас самих и общества, в котором мы живем, нежели предмета вопроса. Задавая вопрос о внешнем нам предмете, мы одновременно задаем вопрос о самих себе, рассуждая о нем, мы рассуждаем о себе, оценивая его, мы одновременно даем оценку себе. Даже когда мы ставим в центр внимания

самих себя и пытаемся себя себе объяснить, мы неизбежно раскрываем наше реальное отношение к себе и собственное реальное состояние, которые далеко не всегда совпадает с мнимым. И чем фантастичнее, а порою – бессмысленнее наше понимание вещей, тем рельефнее проявляется наше подлинное существование.

В первом приближении представление о мыслящей и трудающейся машине отчасти напоминает весьма архаические мифологическое и религиозное отношения к действительности. Архаические формы сознания, кстати, продолжают существовать и развиваться в современном обществе, причем как среди невежественных, так и вполне эрудированных, и даже профессионально занимающихся наукой его представителей. Эти формы могут иметь новое содержание, но демонстрировать при этом типические для них способы объяснения и описания реальности. Приписывание способности мыслить машине, например, напоминает первобытный фетишизм, рассуждение о квантовой или информационной природе сознания – античный гилозоизм, который хоть и был результатом ранней философской рефлексии, но имел прочную генетическую связь с мифологическими представлениями.

Рассуждения о цифровых личности, сознании, идентичности, о цифровом мире человека в целом (в буквальном их понимании) напоминают своеобразное религиозному сознанию стремление к удвоению мира. Мир раскалывается на реальный и цифровой. На место бога встает компьютер и сеть. Им, как Богу, приписываются способности, в которых человек себе отказывает: человек знает и может немногое, сеть может и знает все. Человек смертен, сеть – нет, и вот уже умами многих овладевает идея цифрового бессмертия. В сети, как в раю, есть все, в реальном же быту человека многое не хватает. В сети человек свободен, он может быть в ней кем угодно, в своей реальной повседневности он ограничен в выборе жизненного пути. Причем выгодное преимущество цифрового «рая» перед божественным заключается в том, что в него можно попасть здесь и сейчас, при этом не утруждая себя исполнением заповедей и не зная ни одной молитвы. Достаточно включить компьютер, войти в сеть, попасть на желанный сайт, скачать необходимую программу. Сети, как Богу, приписываются способности за всем следить и все контролировать, всем управлять и наказывать (блокировать пользователя, например).

Удвоение реальности, стремление заместить свое существование цифровым – очередная форма духовного отчуждения, которое демонстрирует современное общество. И как любая форма духовного отчужде-

ния, она может быть снята лишь посредством реалистического взгляда на мир, науки и научной философии в первую очередь. Они становятся тем заметнее, чем сложнее становится реальность, с которой сталкивается человек, которую он стремится описать и понять. В качестве таковых, в первую очередь, стоит отметить историческую ограниченность используемых форм логики и абстракций. Вопрос о том, может ли машина мыслить и трудится, мог возникнуть лишь в условиях господства недиалектической (формальной) логики и абстракций старой (классической) философии.

Формальная логика в состоянии схватить тождество и различие явлений в их абсолютной определенности, но не связь тождества и различия (последнее доступно лишь диалектике). Формальной логике чужд историзм: все явления мира (будь то сознание и материя, человек и машина) мыслятся с определенностью (но и эта определенность раскрывается лишь в перечислении признаков предмета, где каждый признак мыслятся также как нечто отдельное), но вне внутренней (генетической и функциональной) их связи, их внутреннего единства, предполагающего данные различия. Все вещи берутся таковыми, как будто они никогда не меняются, т.е. не содержат в себе внутренних противоречий. В данной связи одинаково допустимыми становятся представления о тождестве, либо абсолютном различии материального и духовного, человека и машины, вообще любых явлений и их сторон, что открывает дорогу всевозможным формам логических допущений и редукционизма.

Сдерживающим фактором выступают устаревшие абстракции. Базовыми абстракциями классической философии и ее неклассических модификаций стали природа, дух и человек как духовно-природное существо, или мыслящее животное. Природа понимается как совокупность всех вещей. Любая попытка найти общий всем вещам признак превращается в стремление свести все вещи к какой-либо одной, все признаки к одному из них. По сути, общее сводится к особенному. Типичным для натурфилософов Нового времени было, например, сведение всех материальных свойств к механическим. Для современного физикализма типичным является сведение всего материального к элементарной физике. Сведение сложного к простому, а простого к сложному – единственный способ обнаружить общее во всем многообразии вещей, который задается смысловой «рамкой» определения природы.

Понятию духа (сознания) как совокупности идей (понятий, образов, переживаний и т.д.) дается столь же перечислительное определение, как и

природе. При попытке обнаружить общее идеям срабатывает тот же эффект: идеальное общее сводится к особенному – к ощущениям (Д. Беркли), понятию (Г. Гегель), воле (А. Шопенгауэр). Подавляющее большинство сторонников возможности создания искусственного интеллекта в его «сильном значении», к примеру, сводят сознание к его логическим формам, как будто они существуют сами по себе и не имеют никакого отношения ни к прочим формам мысли, ни к их носителям (что было свойственно и многим представителям классической философии).

Попытка выработать содержательное определение природы и духа путем их противопоставления не снимает редукционистских «эффектов», поскольку противопоставление духа природе заканчивается либо сведением одного к другому, либо полным отрицанием какой-либо связи между ними (и негативными их определениями, следовательно). Во всех вариантах осуществляется возврат к перечислению признаков с последующим их редуцированием.

Понимание человека как мыслящего животного порождает все те же эффекты, что и понятия природы и духа, но в довесок усугубляет все парадоксом несоответствия субстрата и атрибутов. Представление о том, что природное существо способно мыслить изначально содержит в себе допущение, что любой природный объект способен к тому же. Более того, открывается дополнительный «логический мост» к сведению любых феноменов мысли к любым явлениям природы и наоборот. Вопрос о возможности создания мыслящей или трудящейся машины мог возникнуть и быть сформулирован лишь на основании архаических базовых абстракций и порождающей их формальной логики.

Смысловая ограниченность старой логики в широком смысле (т.е. с учетом ее форм, законов и процессов) может быть снята лишь путем ее углубления, превращения в диалектико-материалистическую логику, в котором формальная логика не устраняется, а сохраняется в снятом виде. Базовые категории современного материализма – материи, сознания, человека позволяют преодолеть все ограниченности старых абстракций. Понятие материи как объективной реальности позволяет учесть содержательное единство мира (его объективность) и одновременно его внутренние различия – простые и сложные формы материи, выработать понимание мира как развивающейся материи, в которой вещи разной степени сложности находятся в генетическом и функциональном единстве. Данное понимание ставит жесткий запрет на сведение сложного к простому и наоборот. Понимание сознания как отражения объективной реальности,

идеального, субъективного способствует определению тождества и различия сознания и материи и не допускает сведение одного к другому. Определение человека как социального материального существа, производящего собственные сущность и существование, приводит к выводу, что сознание и труд – исключительные свойства человека, они могут быть присущи только социальному субстрату. Современный материализм, таким образом, позволяет не то чтобы решить проблему искусственного интеллекта в его сильном значении, а утвердиться во мнении, что мыслящая или трудающаяся машина – такая же выдумка, как и голем, машина времени или вечный двигатель. Стоит отметить, что и само понятие искусственного интеллекта (именно интеллекта!) в любом его значении, с точки зрения современного материализма, оказывается крайне неудачным, сбивающим с толку. Понятие искусственного интеллекта, по сути, было выработано на основе старой логики и явно нуждается в снятии.

Все попытки преодолеть духовное отчуждение духовными средствами (более глубокой, адекватной теорией) все же не в состоянии упразднить его в принципе. Истоки духовного отчуждения кроются не в самой мысли, а в объективном общественном существовании человека, в формах его материального отчуждения. В своих материальных (производственных) основаниях современное общество оказывается весьма противоречивым образованием. Оно строится на т.н. частичном, узкоспециализированном, доведенном до элементарного предметного действия труде. Общее в нем – абстрактный труд является субстанцией товарной стоимости. Частичный труд производит прибавочную стоимость, которая отчуждается без всякого эквивалента. Рост многообразия (сложности) общества, представленного в совокупном многообразии частичных видов труда, осуществляется при капитализме за счет обеднения (упрощения) навыков подавляющего большинства непосредственных производителей [25].

Предприниматель извлекает прибавочную стоимость в двух формах – абсолютной и относительной. Абсолютная прибавочная стоимость производится путем нещадной эксплуатации наемного работника (частичного труда) и имеет естественные пределы. Относительная прибавочная стоимость образуется путем применения на производстве технических новинок и рационализации кооперации частичного труда [19, с. 169–479]. При этом изобретения создаются не частичным рабочим, а субъектом т.н. всеобщего труда – рабочим-рационализатором, инженером, ученым. Всеобъемлющий труд – это сложный материальный труд. Как таковой, он требует

непосредственного сложного интеллектуального сопровождения. Он – одновременно сложный материальный и умственный труд. Он – сложно кооперированный (и потому обобществленный) и одновременно существенно индивидуализированный труд [19, с. 116; 23, с. 207–211; 24; 25; 26, с. 150–205].

Частичный труд является объективной основой всякого отчуждения. В нем человек не способен себя реализовать целиком, во всем многообразии своих свойств, сторон и отношений, а потому приписывает все богатство человеческого рода не себе, а некоей неведомой ему реальности – богу, мировым элитам, машине. Частичный труд является объективной основой и любого редукционизма: как частичному, а потому простому, максимально бедному, «одномерному» существу, индивиду оказывается свойственно все упрощать, сводить многообразие сторон своего существования к одной из них.

Ограниченнность существования человека снимается при переходе от частичного труда ко всеобщему. Именно во всеобщем труде обнаруживается относительное совпадение индивида и рода, и человек оказывается способным увидеть и реализовать все богатство общественных сил в себе, уяснить, что в обществе он – единственная творческая, мыслящая и производящая сила. Представления о машине, способной мыслить и трудиться, вызревают в процессе отражения жизни частичных индивидов, убеждение, что мыслить и трудиться может только человек, становится следствием отражения всеобщего труда и всего многообразия трудовых действий общества в целом в связи со всеобщим трудом.

Компьютер – продукт всеобщего труда. Посредством него человек может реализоваться во всем многообразии своих свойств, сторон жизни и отношений. Однако в обществе, в котором, помимо всеобщего труда – занятия скромного меньшинства, массово представлен частичный труд, способы использования компьютерной техники существенно разнятся. Применение к компьютеру всеобщего труда позволяет человеку развиваться во всех планах и потому отношение к нему вырабатывается как техническому средству, не более. Частичное практическое отношение к компьютеру, напротив, утверждает и закрепляет «одномерность» пользователя, вынуждает человека отчуждать свою сущность и приписывать ее машине.

Список литературы

1. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. – М.: Издательство АСТ, 2018 – 128 с.
2. Сёрл Д. Разум, мозг и программы // Глас разума. – Самара: Бархах-М, 2003. – С. 314–331.
3. Деннет Д. Разум от начала и до конца. – М.: ЭКСМО, 2021. – 528 с.
4. Чалмерс Д. Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. – М.:URSS, 2013 – 512 с.
5. Дубровский Д.И. Мозг и психика (о необходимости философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 145–155.
6. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или почему информационные процессы не идут в темноте (ответ Д. Чалмерсу) // Сознание, мозг, искусственный интеллект. – М.: Стратегия-центр, 2007. – С. 139 – 163.
7. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 92–98.
8. Дубровский Д.И. Задача создания общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. 2021. № 1. С. 13–44.
9. Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145 – 155.
10. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. В 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – С. 219–227.
11. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 446 с.
12. Барулин В.С. Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. – Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1970 – 327 с.
13. Оконская Н.Б. О сущности средств труда // Философия пограничных проблем науки. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 1972. Вып. 5. С. 63–74.
14. Орлов В.В. Средства труда как искусственные (преобразованные) природные элементы социального // Философия пограничных проблем науки. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 1972. Вып. 5. С. 79–114.
15. Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. – Пермь: изд-во Пермского ун-та, 1991. – 203 с.
16. Зворыкин А.А., Осьмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В. История техники. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 772 с.
17. Товмасян С.С. Философские проблемы труда и техники. – М.: Мысль, 1972. – 279 с.
18. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – С. 65–185
19. Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
20. Волков Г.Н. Эра роботов или эра человека? – М.: Политиздат, 1965 – 159 с.
21. Орлов В.В. К понятию человеческой природы // Философия пограничных проблем науки. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. Вып. 2. С. 87–101.
22. Орлов В.В. К общей философской концепции человека // Философия пограничных проблем науки. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – С. 72 – 93.
23. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. – 265 с.
24. Корякин В.В., Орлов В.В. Труд, стоимость и собственность в современном обществе // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2009. Т. 4. № 4. С. 46 – 55.
25. Корякин В.В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. С. 11 – 30.
26. Гриценко В.С. Труд в постиндустриальном обществе. – Пермь: Изд-во Пермского унта, 2013. – 210 с.

***COMPUTER TECHNOLOGY AND HUMAN ESSENCE:
UNDERSTANDING AND DEVELOPMENT***

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068

Computer technology is a universal tool for human self-actualization and development. However, attitudes toward it are divided. This divergence becomes especially apparent in debates about the possibility of creating a machine capable of thinking and working. The reasons for these differing viewpoints lie both in the abstractions and forms of logic employed in framing and solving problems of artificial intelligence and robotization, and in the objective foundations of human social existence. The abstractions of classical philosophy and science, formal logic, and the prevalence of partial labor in society lead some scholars to argue that creating a thinking and working machine is fundamentally possible. Conversely, the application of dialectical-materialist logic and its core abstractions, alongside the rise of universal labor as a social phenomenon, fosters the conviction that consciousness and labor are uniquely human attributes. Machines, in this view, are but a tool for the full realization of these human capacities.

Keywords: labor, partial labor, universal labor, consciousness, machine, computer, artificial intelligence, formal logic, dialectical logic